

Птица, в свою очередь, входит в модель игры, которая имеет несколько модификаций в структуре трагедий: во-первых, это божественная игра – обобщающий символ человеческой жизни вообще, которая для богов не серьезнее, чем игра ребенка; а во-вторых, игра как мечта и человеческое творчество, в котором забываются герои, уходя от обмана жизни.

Человеческая игра в трагедиях Анненского – это проявление творческого начала, связанного для этого художника с миром искусства и представленного мифологемой *статуи* (актуальной, прежде всего, для «Лаодамии»). *Статуя* играет основополагающую роль в структуре личного мифа Анненского, являя собой законченный и совершенный, исключая подмену и призрачность, знак материальной проявленности духовного мира.

Мифологема *статуи* включена в расширенно понимаемый архетипический символ *белого камня*. Который в индивидуальной онтологии Анненского реализует одно из своих значений – значение «памятника». Именно памятник осуществляет связь времен и воплощает победу над преходящестью и забвением.

Архетипическая драма разлуки и соединения *Анимы* и *Анимуса* реконструируется Анненским в «Лаодамии» и «Фамире-кифареде», причем *Душа*, являющаяся проявлением женского начала, связывается в личном мифе писателя с *птицей*, а *Дух*, Дионис, метафорически выражается через *белый камень*.

Завершенные и оформленные символы, отражающие мир приходящего в себя сознания, увековечивают своей проявленностью «Я» мыслящее, которое суть единственно подлинное «Я» человека. Трагедия Анненского демонстрирует мужание человеческого сознания, приходящего к своему началу, и высвечивает лишённые призрачности подлинные человеческие ценности, которые и позволяют Человеку быть собой, не сливаясь со своим бытием.

Примечания

¹ Неоклассицизм // Культурология. XX век. Словарь. СПб.: «Универс. книга», 1997. С.309

² Ахутин А. Открытие сознания. Древнегреческая трагедия и философия // Тяжба о бытии. М.: «Русское феноменологическое об-во», 1997. С.117–161

© Ю. Ю. Васина
Екатеринбург

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В ПЕРЕВОДНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Теория перевода во второй половине XX в. наиболее плодотворным образом развивалась в русле выдвинутой Ю. Найдой концепции дина-

мической эквивалентности. Только на основе такого функционального подхода, как полагает Л.К. Латышев, могут быть построены положения современной теории перевода о переводческой эквивалентности, так как именно он позволяет объяснить многие переводческие приемы, в ряде случаев обеспечивающие эквивалентный перевод, например, замену исходного содержания (Латышев, 1981). Однако сам теоретик в 1981 г. признавал, что «не существует и, по всей видимости, долго еще не будет существовать методики измерения и сравнения двух реакций» – реакций получателя текста оригинала и получателя текста перевода (Там же).

Тем не менее такие попытки предпринимались, в частности, еще Ю. Найда указывал на то, что оценка соответствия текстов перевода и оригинала специалистами, владеющими как языком перевода, так и языком оригинала, недостаточна, так как им известен текст на исходном языке. Именно реакция лиц, не владеющих языком перевода, то есть адресатов, позволяет оценить качество переводного текста. Для этого Ю. Найда предлагал технику «закрытых слов» (разработанную У.Л. Тейлором), а идеальным случаем, по мнению ученого, было бы сравнение реакций информантов – носителей исходного и переводящего языков – на основе данной техники (Найда, 1970).

Другой проблемой является уточнение понятия «реакция». Индивидуальные реакции «не могут быть объектами сравнения с целью оценки качества перевода» (Латышев, 1981). Объектами сравнения могут выступать конструируемые как некоторые усредненные реакции – реакция русского и немца, русского и англичанина и т.д. Как пишет сам исследователь, «эти конструируемые несут характер прогноза и представляют собой абстракции, создаваемые путем «вычитания» из потенциальных реальных реакций компонентов, обусловленных личными убеждениями, личным опытом, эмоциональным типом получателя и т.п.», то есть являются «лингвоэтническими» реакциями (Там же). Лингвоэтническая реакция – это, конечно же, абстракция, по сути, прогноз переводчика, опирающегося на знание национальной психологии. Однако, с нашей точки зрения, возможно и измерение таких реакций или «коммуникативного эффекта» методами лингвопсихосоциологии.

Эти методы особенно эффективны при изучении прецедентных текстов как узнаваемых среднестатистическим носителем языка цитаций, так как интертекстуальные отсылки, какой бы ни была интенция автора, в конечном счете существуют лишь в восприятии получателя. Ассоциативные тесты уже успешно использовались при изучении как самих прецедентных текстов (Караулов, 1987), так и близких к ним явлений, например, клише¹ (Дридзе, 1979), цитат и т.д.

В нашем сопоставительном исследовании прецедентного текста и межъязыковой эквивалентности на материале английского, русского и немецкого языков мы рассматриваем англоязычный роман, специально

выбранный за пронизанность интертекстуальными отсылками, и его переводы. Объектом нашего внимания выступают способы передачи прецедентных текстов, которые, как известно, зачастую являются национально специфичными и относятся к филологическому вертикальному контексту (понятие И.В. Гюббенет) представителей той или иной языковой культуры.

Как признают исследователи, результаты анкетирования современных носителей двух различных языков в культурно-языковом сопоставительном исследовании могут показывать, что сходство и различия в отношении изучаемого концепта зависят не только от национально-культурной, но и социальной принадлежности и что «выявленные характеристики не всегда соответствуют характеристикам, представленным в языковой картине мира», то есть в словарях и пословицах (Бабаева, 1997).

Нельзя ли проинтерпретировать вышеназванные факты как свидетельство в пользу необходимости некоей особой эквивалентности, которую мы условно назовём адресной? Л.К. Латышев мог бы возразить против этого, что переводчик должен нейтрализовать только те препятствия на пути эффективной речевой коммуникации, которые вытекают из принадлежности участников общения к разным лингвоэтническим коллективам, то есть только лингвоэтнический барьер как «расхождение в языках, закономерностях их функционирования, культурах общающихся», и потому перевод может быть лишь чисто лингвоэтнической ретрансляцией: «...при переводе осуществляется лишь лингвоэтническая, но не социально-групповая или индивидуально-личностная переводовка сообщения: происходят замены адресатов типа: русский – немец, англичанин – китаец, и не производятся замены типа: специалист – неспециалист, взрослый – ребёнок» (Латышев, 1988). С этим можно согласиться только в целом. Ведь возможны случаи письменного перевода даже для одного получателя. Точно также и социально-групповой фактор может влиять на характеристики перевода. Любой оригинал и его перевод рассчитан на какую-то группу потребителей. Иногда это группы потребителей, потому что такая адресная направленность перевода особенно ярко проявляется в случае с современной художественной литературой, для которой конструктивным приемом может быть «двойное кодирование». В вопросе об адресате перевода Л.К. Латышев исходил, по-видимому, из представлений о монолитной централизованной культуре, тогда как в последних социологических и культурологических разработках общество может пониматься как неиерархическая система микрокультур и субкультур.

В нашем исследовании часть задач по изучению адресной эквивалентности прецедентных текстов решается психолингвистическими методами. Цель психолингвистических тестов – определить степень узнаваемости прецедентных текстов, заложенных в художественное произведение автором, в различных вариантах перевода. Мы рассчитываем ис-

пользовать как уже опубликованный вариант перевода, так и вариации, возникающие в результате применения метода трансформации, в данном случае – подстановки других прецедентных текстов, значимых для отечественной культуры.

В исследовании предполагается использовать психолингвистические анкеты, содержащие блок вопросов о восприятии прецедентных текстов в отрывке русского перевода анализируемого романа, а также блок социологических вопросов, касающихся в основном образования информантов. Кроме того, анкетный опрос будет дополнен полустандартизированным интервью – ассоциативным тестом, где информантам будут предложены в качестве стимула соответствующие прецедентные тексты, а анализ полученных в ходе интервью реакций позволит судить о том, какие символы и коннотации связаны с каждым из исследуемых прецедентных текстов, что позволит осуществить подбор аналогов в отечественной литературе. Затем будет проведено повторное анкетирование. Согласно нашей гипотезе, при условии удачного подбора известных русскоязычному читателю текстов, узнаваемость интертекстуальных отсылок повысится.

Информанты будут разделены на две группы – лица, имеющие специальное филологическое образование, и лица, такого образования не имеющие. Отбор информантов планируется проводить методом целенаправленной малой выборки.

В настоящий момент проводится пилотажное исследование. Предварительные результаты показывают, что узнаваемость прецедентных текстов в имеющемся переводе низкая. Это вполне объяснимо, так как читателям приходится иметь дело с прецедентными текстами чужой культуры. Наблюдаются также интертекстуальные ассоциации, не предусмотренные оригиналом. Пока еще трудно судить, появились ли они в итоге мастерской компенсации переводчиком утраченной прецедентности, или же они достаточно случайны.

Примечания

¹ Мы считаем, что прецедентный текст – это языковой афоризм, который выступает чаще всего в виде «фразы, которая всем известна и потому в речи не творится заново, а извлекается из памяти» (Верещагин, Костомаров, 1990. С.71).

© Е.Н. Воронина
Санкт-Петербург

Л.Д. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ В ПОЛЕМИКЕ С М. КУЗМИНЫМ: ПОВЕСТЬ «ТРИДЦАТЬ ТРИ УРОДА» И РОМАН «КРЫЛЬЯ»

Опубликованная вскоре после «Крыльев» Михаила Кузмина, повесть Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три урода» (1907 г.) во многом